
Ева Рейн
РАЗВОД.
ДЕТЯМ СКАЖЕМ,
ЧТО ТЫ НАС БРОСИЛА.

Ева Рейн

Развод: детям скажем, что ты нас бросила.

«Литнет»
2026

Рейн Е.

Развод: детям скажем, что ты нас бросила. / Е. Рейн — «Литнет», 2026

— Не отдашь мне свою половину дома — детям скажем, что ты нас бросила, — заявил муж, пока в нашей спальне уже лежали вещи его любовницы.Тридцать три года я была хорошей женой и матерью. Растила детей, заботилась о муже, строила наш дом и верила, что мы вместе встретим старость. Но в пятьдесят четыре года Сергей решил, что я больше ему не нужна. Теперь в нашем доме будет жить его любовница, а мне предлагают гостевую комнату и возможность уйти без ничего.И самое страшное — собственные дети начинают верить отцу!Дочь просит меня не приходить на день рождения внучки, чтобы не мешать папе с его новой женщиной. Сын требует отказаться от дома ради его будущего. А семилетняя внучка однажды спрашивает сквозь слёзы:— Бабушка, а ты меня больше не любишь?Сергей уверен, что я не выдержу. Что ради детей проглочу унижение, отдам ему всё и позволю выставить себя предательницей.Но он ещё не знает, какую тайну скрывает наш собственный сын. И что произойдёт, когда вся семья наконец услышит правду.

© Рейн Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Тебе приготовили другую комнату 5
Глава 2. А ты подумала о нас? 15
Глава 3. В доме уже другая хозяйка 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Глава 1. Тебе приготовили другую комнату

Нина придержала калитку бедром и перехватила пакет, ручки которого уже успели врезаться в пальцы. На дне лежали шампиньоны, сметана и хороший кусок свинины, выбранный после короткого спора с продавщицей: Сергей любил отбивные с грибами, а у неё после нескольких дней у дочери появилось почти праздничное желание приготовить ужин дома. Второй пакет, с хлебом и яблоками, оказался легче, но мешала дорожная сумка, сползавшая с плеча. Нина поставила всё на нижнюю ступеньку крыльца и позвала мужа, заметив его силуэт за стеклом входной двери. Он видел, что она приехала, однако вышел только после второго оклика, когда Нина уже потянулась за ключами.

— Ты чего не открываешь? Я тут с твоим ужином воюю, — сказала она, выпрямляясь и растирая ладонью покрасневшие пальцы. От усталости голос прозвучал сердитее, чем хотелось, и Нина улыбнулась, чтобы Сергей не начал привычно объяснять, что она могла купить меньше. — Возьми хотя бы тяжёлый. Я думала, ты ещё в мастерской, хотела всё к твоему приезду приготовить. У Юли сегодня муж раньше освободился, так что я смогла уехать, а то собиралась до вечера с Варей оставаться.

Сергей забрал пакет с продуктами, но целовать её не стал. Впрочем, Нина и сама задержалась на коврике, пытаясь снять туфлю, ремешок которой за день натёр кожу. В доме было тепло, пахло чаем и чем-то сладковатым, непривычным, но она не обратила на это внимания: за пять дней у дочери успела соскучиться даже по собственному коридору, по старому пуфику у зеркала, по возможности оставить сумку там, где удобно, и не оглядываться, не пробежит ли сейчас Варя с игрушкой. Сергей отнёс продукты на кухню и вернулся, когда она наконец расстегнула упрямую пряжку. На нём была домашняя рубашка, которую Нина гладила ещё перед отъездом.

— Нам поговорить надо, — произнёс он, остановившись возле дверного косяка. Он смотрел на неё внимательно, словно проверял, в каком она настроении, и Нина сразу подумала об Артёме. У сына опять могли возникнуть неприятности на работе или какая-нибудь ссора с девушкой, после которой родители должны были разбираться, кто кого не так понял. — Ты сначала вещи отнеси. Только потом не начинай сразу готовить, хорошо?

— А что случилось? — Нина подняла сумку, но уходить не стала. Сергей не ответил сразу, и она нахмурилась, уже мысленно перебирая возможные причины. — С Артёмом что-нибудь? Ты скажи нормально, а то стоишь с таким лицом. Он ведь утром мне писал, вроде всё было хорошо. Или у твоей мамы опять какие-то неприятности?

Сергей сказал, что с Артёмом всё в порядке, он ещё в мастерской, а его девушка на работе. Нина кивнула, не слишком успокоившись, но решила сначала переодеться. После нескольких ночей на Юлином диване ныла спина, хотелось снять дорожную блузку, умыться и наконец распустить волосы. Она прошла по коридору, привычно прижав сумку к бедру, чтобы не задеть стену, и толкнула дверь спальни. Здесь сладковатый запах оказался сильнее. Нина остановилась на пороге, посмотрела на кровать, застеленную другим покрывалом, и только потом заметила, что с комода исчезли две фотографии в деревянных рамках.

Одна была сделана, когда Юлия оканчивала школу, а Артём, ещё нескладный подросток, стоял рядом с сестрой и старался выглядеть старше. На второй Нина держала совсем маленькую Варю, туго завёрнутую в одеяло, и смотрела не в объектив, а на внучку. Рамки всегда стояли возле настольной лампы; под одной даже осталось более светлое прямоугольное пятно. Теперь на этом месте лежала плоская косметичка с золотистой молнией. Нина поставила сумку на пол и подошла ближе, испытывая пока только неприятное недоумение. Возможно, Юлия что-то забыла, хотя за последние дни дочь здесь не бывала, а косметичка была совсем не похожа на её вещи.

На туалетном столике стоял флакон духов, которого Нина никогда не видела. Рядом лежали щётка для волос, тюбик крема и две небольшие серьги. Её собственные баночки исчезли, вместе с серебристой коробочкой, куда она вечером складывала цепочку и кольцо. Нина открыла верхний ящик и обнаружила там чужую расчёску. Сумка за её спиной медленно завалилась набок, выпустив из неплотно застёгнутого кармана Варин рисунок, который внучка всунула ей перед отъездом. Нина машинально нагнулась, подняла сложенный лист, а затем потянулась к шкафу, уже чувствуя, как неприятно похолодели пальцы.

На её стороне висели два незнакомых платья и светлая блузка. Полка, где обычно лежали домашние футболки, была занята аккуратно сложенными вещами, а внизу стояла пара женских туфель. Нина провела рукой по пустому краю штанги, словно собственная одежда могла оказаться где-то за чужими плечиками, и резко обернулась на шаги. Сергей стоял в дверях. Он не выглядел человеком, который сейчас тоже обнаружил что-то неожиданное; выражение лица оставалось тем же, с каким он встретил её на крыльце, и именно это заставило Нину спросить громче, чем она собиралась.

— Где мои вещи? — Она всё ещё держала дверцу шкафа, и металлическая ручка впивалась в ладонь. Сергей перевёл взгляд на чужие платья, затем снова посмотрел на неё. — Ты слышишь меня? Где мои блузки, где бельё? И что это здесь стоит? Серёж, не молчи. Я тебя спрашиваю, что произошло в моей спальне, пока меня не было.

— Я перенёс твоё в гостевую, — ответил он. Сергей произнёс это без спешки, словно речь шла о перестановке, которую давно обсуждали и наконец осуществили. — Всё целое, ничего не выбрасывали. Там шкаф свободный, тебе будет удобно. Я как раз и хотел сначала поговорить, но ты сразу сюда пошла.

Нина прошла мимо него, задев плечом, и открыла дверь гостевой комнаты. На кровати лежали две большие сумки, одна из которых была расстёгнута. Из неё торчал рукав её домашнего платья, смятый и перекрученный, а поверх подушки стояла коробка с кремами, заколками и тем самым серебристым футляром. Несколько блузок висели в узком шкафу, остальные были сложены стопкой, как после торопливого сбора перед дорогой. Нина вытащила платье, расправила его и увидела, что ткань зацепилась за металлический край молнии. В обычный день она стала бы осторожно освобождать её, чтобы не порвать, но сейчас дёрнула так сильно, что Сергей шагнул ближе.

— Да объясни ты наконец, зачем! — Она швырнула платье на кровать, тут же снова схватила его и прижала к себе, не понимая, что делает. — Ты ремонт решил начать? Тогда почему там чужие вещи? Почему мои фотографии убрали? Я пять дней была у Юли, пять дней, Серёжа, а не полгода неизвестно где. Ты вчера со мной разговаривал и ни слова не сказал.

Сергей прикрыл дверь в коридор, оставив её полуоткрытой, и провёл ладонью по затылку. Этот жест Нина знала: так он делал перед неприятным разговором, когда уже принял решение и теперь собирался объяснять, почему остальные должны с ним согласиться. Она смотрела на его руку, на коротко подстриженные волосы, на знакомую складку возле рта и всё ещё ждала объяснения, которое вернуло бы происходящему хоть какой-то приемлемый смысл. Сергей опустил руку и заговорил чуть тише, чем прежде, отчего Нине пришлось замолчать, чтобы расслышать каждое слово.

— У меня есть женщина. Её зовут Оксана, и я больше не хочу это скрывать, — сказал он. Нина продолжала смотреть на него, не двигаясь, и Сергей, видимо, принял её молчание за возможность договорить без помех. — Мы давно собирались поговорить с тобой, просто всё время было не до того. То у Юли какие-то дела, то Варя, то ты устаёшь. Сейчас уже тянуть бессмысленно. Оксана будет жить здесь, а нам с тобой надо спокойно решить, как дальше быть.

Нина почувствовала, что ей трудно удерживать платье. Она положила его на край кровати, аккуратно, обеими руками, и только после этого села, хотя садиться не собиралась. В голове почему-то возникло сегодняшнее утро: Варя стояла перед зеркалом и просила переде-

лать хвостик, потому что резинка тянула волосы, Юлия торопилась на работу, а Нина обещала внучке, что в выходные они испекут пирог уже у бабушки дома. Она говорила это уверенно, не задумываясь, что к вечеру ей самой здесь приготовят другую комнату. Сергей ждал, глядя на неё сверху вниз, и Нина наконец заставила себя поднять голову.

— Какая Оксана? — спросила она. Голос оказался чужим, глухим, и Нина откашлялась, болезненно сглотнув. — Я её знаю? Ты меня с ней знакомил? Она была здесь раньше, при мне? Серёжа, посмотри на меня и ответь, пожалуйста. Я сейчас совсем ничего не понимаю.

Сергей сказал, что Нина с Оксаной не знакома. Они познакомились по работе, у неё небольшой салон, для которого его мастерская делала мебель, а потом начали общаться. На вопрос, сколько это продолжается, он сначала поморщился и заметил, что подробности только сделают разговор тяжелее. Нина повторила вопрос, не меняя позы, и он ответил, что больше года. Она смотрела на него, вспоминая прошлую осень, Новый год, собственный день рождения в июне, когда Сергей подарил ей серёжки и при гостях назвал своей красавицей. Ему хватало терпения произносить ласковые слова, пока он собирался привести в их спальню другую.

— И она здесь уже ночевала? — Нина встала, потому что сидеть перед ним стало невозможно. Сергей отвёл глаза, и она сделала шаг к двери, за которой оставалась их спальня. — Не надо опять говорить про подробности. Я хочу знать, ты её в нашу постель привёл? Пока я у твоей дочери с твоей внучкой жила, ты здесь с ней спал?

— Да, — ответил Сергей после короткой паузы. Он сжал губы, словно она заставила его произнести что-то неприличное, и сразу добавил: — Но ты сейчас только хуже себе делаешь. Я же не отрицаю ничего, не выкручиваюсь. Нин, такое случается. Нам обоим пора признать, что мы давно живём больше по привычке.

Нина вышла из гостевой, вернулась к шкафу и начала снимать чужие вещи. Первое платье соскользнуло с плечиков, второе зацепилось застёжкой за соседнюю вешалку, и она дёрнула его, уже не заботясь о ткани. Сергей появился за спиной и потребовал оставить всё на месте. Нина не ответила, вытащила светлую блузку и бросила её на кровать, поверх покрывала, которого раньше здесь не было. От чужих вещей пахло теми же духами, и запах сделался невыносимым. Она распахнула окно, хотя в комнате не было душно, затем вернулась к шкафу, чувствуя, что если остановится, то просто начнёт кричать.

— Сейчас уберёшь всё это отсюда, — сказала она, повернувшись к мужу. Голос уже дрожал, и Нина ненавидела себя за эту дрожь, потому что Сергей сразу посмотрел на неё с той осторожной снисходительностью, с какой обычно уговаривал раздражённого покупателя. — Сам уберёшь. И позвонишь ей, чтобы не приезжала. Это моя спальня, мои вещи, мой дом. Ты хоть на минуту подумал, как я сюда войду?

— Нина, прекрати швырять чужую одежду, — ответил он, поднимая с кровати блузку. Сергей поправил рукав и положил её аккуратнее, и от этой заботливости Нину обожгло так, что она шагнула к нему почти вплотную. — Я понимаю, что ты обижена. Но от того, что ты сейчас устроишь здесь погром, ничего не изменится. Я уже всё решил, давай хотя бы без истерики.

— Ты мои вещи в сумки затолкал, а теперь её блузку расправляешь? — Нина ткнула пальцем в ткань, которую он всё ещё держал, и тут же отдёрнула руку. — Ты слышишь себя вообще? Я домой приехала, Серёжа. Я мясо тебе выбирала, думала, поужинаем, побудем вдвоём. Ты вчера спрашивал, когда я вернусь, и я тебе сказала. Ты знал, что я сегодня приеду, и всё равно успел моё бельё убрать, чтобы ей место освободить.

Сергей положил блузку и потёр переносицу. Нина видела, что он раздражён, и от этого ей становилось ещё больнее: у него хватало злости на её голос, на разбросанную одежду, на то, что разговор не получается спокойным. На её возвращение он подготовил комнату, сумки, чужие вещи в шкафу, но теперь вёл себя так, будто непредвиденной неприятностью оказалась только её реакция. Нина открыла рот, собираясь сказать ещё что-то, и не смогла. Слёзы потекли неожиданно, горячо, без облегчения, и она сердито вытерла щёку ладонью.

В коридоре послышались шаги, после чего в дверях появилась Тамара Ивановна. На ней была тёмная юбка и нарядная кофта, которую Нина помогала выбирать весной; в руках свекровь держала сложенную бумажную салфетку. Она посмотрела на одежду, на открытое окно, затем на сына и неодобрительно поджала губы. Нина не сразу поняла, откуда та взялась. Машины свекрови у дома быть не могло, сама она не водила, а её пальто, наверное, висело за дверью прихожей, куда Нина после приезда даже не заглянула. Значит, Сергей привёз мать заранее и посадил на кухне ждать, когда жена обнаружит приготовленную ей комнату.

— Ниночка, ну зачем так кричать? — произнесла Тамара Ивановна и шагнула в спальню, будто собиралась примирить двух людей после обычной ссоры. — Вас же на улице слышно, окно открыто. Взрослые люди, столько лет вместе прожили, можно ведь найти в себе силы поговорить достойно. Никто тебе зла не желает, не надо сразу всё превращать в скандал.

Нина вытерла вторую щёку и посмотрела на неё внимательнее. Тамара Ивановна не спрашивала, что произошло, не пыталась выяснить, почему вещи невестки оказались в гостевой. Она уже знала, что Нине предстоит услышать, и ждала именно такого разговора. Нина вспомнила, как в прошлое воскресенье звонила ей, спрашивала, нужно ли что-нибудь привезти перед отъездом к Юле. Свекровь тогда попросила купить хороший творог и забрать из ремонта туфли, поблагодарила, даже посетовала, что Нина всё время бегает и совсем себя не бережёт. Теперь она стояла рядом с Сергеем и объясняла, как следует принять появление его любовницы.

— Вы знали? — спросила Нина. Тамара Ивановна поправила край кофты, и Нина повторила, уже громче: — Вы знали, что он мне изменяет? Когда я к вам приезжала, когда мы с вами по магазинам ходили, вы уже знали? И ничего не сказали, даже когда он собрался поселить её здесь?

— Серёжа со мной разговаривал, — ответила свекровь, не глядя ей в глаза. Она присела на край кровати, но сразу поднялась, заметив лежащую рядом чужую одежду. — Я мать, Нина, он имеет право прийти ко мне со своими переживаниями. Думаешь, ему легко было всё это решать? Он ведь не мальчик уже, понимает ответственность. Я приехала, потому что предполагала, как ты отреагируешь, и не хотела, чтобы вы наговорили друг другу лишнего.

Нина коротко, некрасиво рассмеялась, и смех тут же оборвался. Ей стало стыдно за собственный звук, но ещё стыднее было вспомнить, как искренне она считала Тамару Ивановну близким человеком. Столько раз приезжала после работы, оставляла свои дела, разбирала тяжёлые покупки, возилась с бельём, слушала одни и те же жалобы. Свекровь любила повторять, что с чужой женщиной не смогла бы так ужиться, а Нина принимала эти слова за признание. Теперь выяснялось, что быть близкой полагалось до тех пор, пока её удобство не мешало Сергеевым желаниям.

— А мне вы почему не дали права хотя бы знать? — Нина говорила уже тише, но губы плохо слушались. Она прижала пальцы к подбородку, пытаясь остановить дрожь, и снова убрала руку. — Вы сейчас о его переживаниях рассказываете, а я свои вещи в сумке нашла. Он меня из нашей спальни выселил. Вы видели, как это делалось? Вы рядом были, когда он мои фотографии убирал?

Тамара Ивановна сказала, что фотографии никто не выбрасывал и не нужно придумывать дополнительную обиду. По её мнению, Нина цеплялась за вещи, потому что не хотела слышать главное: люди иногда расстаются, даже прожив много лет, и в пятьдесят четыре года пора относиться к этому разумнее. Нина медленно повернулась к Сергею. Он стоял у шкафа, скрестив руки на груди, и не вмешивался, пока мать говорила за него. Знакомое лицо выглядело почти спокойным, только на скулах двигались мышцы, когда Нина перебивала свекровь. Ему было проще слушать, как её убеждают быть взрослой, чем самому ещё раз ответить, зачем понадобилось трогать её вещи до разговора.

— Мне пятьдесят четыре, а ему пятьдесят девять, — сказала Нина, снова обращаясь к Тамаре Ивановне. — Почему разумной должна быть только я? Почему вы мне объясняете, как достойно терпеть, а ему не объяснили, что жену сначала в известность ставят? Я вам кто вообще, после тридцати трёх лет? Человек, которому можно собрать сумку и показать другую кровать?

— Ты всё сейчас воспринимаешь так, словно тебя на улицу выставили, — вмешался Сергей. Он опустил руки и сделал шаг к двери, будто разговор уже пора было переносить в более удобное место. — Тебе оставили комнату, никто не требует сегодня же куда-то уходить. Можешь жить здесь, пока не решишь, что тебе удобнее. Я же понимаю, что тебе надо привыкнуть, поэтому и предлагаю всё спокойно устроить.

Нина посмотрела на него и с трудом перевела дыхание. Она представила утро в этом доме: чужую женщину у плиты, её голос за дверью спальни, Сергея, проходящего мимо гостевой к привычному шкафу. Представила, как будет ждать, пока они освободят ванную, и стараться не столкнуться с ними в коридоре. Возможно, муж действительно считал предоставленную комнату проявлением порядочности. От этого предположения Нине захотелось ударить его, хотя за всю их совместную жизнь она ни разу не поднимала на него руку. Она сжала пальцы, впившись ногтями в ладони, и заставила себя отойти к окну.

— И как ты себе это представляешь? — спросила она, не поворачиваясь. За открытым окном шумела проехавшая машина, и Нина подождала, пока звук стихнет, чтобы Сергей расслышал её. — Я здесь буду жить, она там будет спать с тобой, а утром мы поздороваемся и сядем пить чай? Потом Юля привезёт Варю, а я внучке объясню, почему бабушкины вещи теперь в комнате для гостей? Ты хоть один такой день себе представил, прежде чем мне это предложить?

Сергей ответил, что не нужно намеренно доводить всё до нелепости. Дети взрослые, они способны понять, что отношения родителей изменились, а Варя ещё мала, чтобы замечать подобные подробности. Нина резко обернулась на этих словах. Варя замечала, когда у бабушки болела голова, замечала, если та расстраивалась из-за работы, подходила, обнимала и спрашивала, чем помочь. Утром девочка несколько раз уточняла, скоро ли снова приедет к ним с дедушкой, а Сергей сейчас говорил о ней так, будто достаточно переставить несколько вещей и ребёнок ничего не почувствует. Нина смотрела на мужа и всё яснее понимала, что он уже продумал объяснения для всех, кроме неё.

— Ты с ней поговорил об этом? — спросила она. Сергей не сразу понял, о ком речь, и Нина показала на чужую одежду. — С Оксаной своей. Она согласна со мной на одной кухне встречаться? Ей сколько лет, что она решила, будто я буду тихо сидеть в другой комнате и ждать, пока мне разрешат пройти по коридору?

Сергей сказал, что Оксане сорок два и она ничего подобного не решала. Он сам занимается этим разговором и не позволит перекладывать на неё ответственность за то, что между супругами давно было плохо. Нина слушала и вспоминала, как ещё неделю назад он обнимал её на кухне, торопил с ужином и рассказывал о заказчике, который никак не мог определиться с цветом мебели. Она не считала их брак безупречным, уставала, сердилась, иногда жаловалась Любе на Сергееву грубость. Но он продолжал жить с ней как с женой, просить о привычных мелочах, делиться повседневными неприятностями и принимать её заботу, уже собираясь заменить её другой женщиной.

— Если между нами было плохо, почему ты мне об этом не сказал? — Нина опёрлась ладонью о комод, потому что ноги начинали неприятно слабеть. — Ты целый год находил время на неё. Со мной за этот год хоть один раз поговорил о том, что тебе плохо? Или мне полагалось самой догадаться, пока я твою мать навещала и с внучкой сидела? Не надо сейчас рассказывать, будто мы с тобой давно договорились расстаться. Я ничего такого не знала.

Тамара Ивановна снова попыталась вмешаться, но Нина подняла ладонь, даже не посмотрев в её сторону. Она устала слушать объяснения, в которых любое Сергеево действие оказывалось следствием её недостаточной разумности. Муж хотел сохранить за собой дом, привычный быт, право выглядеть порядочным человеком и возможность не слышать её боли слишком громко. Нина вдруг почувствовала такую злость, что слёзы на несколько секунд остановились. Она выпрямилась, убрала ладонь с комода и посмотрела ему прямо в лицо, хотя говорить всё ещё приходилось с усилием.

— Тогда разводимся, — сказала она. Сергей чуть нахмурился, и Нина продолжила, прежде чем он успел ответить. — По-настоящему разводимся, а не живём по разным комнатам, пока тебе удобно. Дом будем делить, свою половину я тебе не подарю. Я не собираюсь в пятьдесят четыре года искать, где мне разрешат переночевать, только потому, что ты сюда другую женщину привёл.

Сергей изменился в лице. Он перестал смотреть на неё с терпеливым раздражением и шагнул ближе, понизив голос так резко, что Нина сразу почувствовала разницу. До сих пор она могла плакать, задавать вопросы, трогать чужие вещи, и всё это, по его мнению, относилось к неприятным, но ожидаемым последствиям разговора. Теперь речь зашла о том, чем он не собирался поступаться. Тамара Ивановна тоже выпрямилась и внимательно посмотрела на невестку, словно только сейчас услышала что-то по-настоящему опасное.

— Вот, значит, как ты решила, — произнёс Сергей. Он кивнул несколько раз, будто Нина подтвердила давно известные ему подозрения. — Дом делить. А Артёму куда? Он здесь живёт, если ты забыла. Мы этот дом для семьи делали, а ты теперь готова всё продать, лишь бы мне доказать, насколько обиделась. Ты хоть о детях сначала подумай.

— Я о них и думаю, — ответила Нина, почти сразу сорвавшись на громкий голос. — Я от Юли сегодня приехала, я у неё отпуск провела, чтобы ей легче было. А ты в это время мои вещи складывал. Причём здесь Артём? Почему моя половина должна исчезнуть оттого, что сыну удобно здесь жить? Он взрослый, Серёжа, ему двадцать семь, а ты разговариваешь так, будто я маленького ребёнка на мороз выставляю.

— Никто не говорит, что твоя половина исчезнет, — вмешалась Тамара Ивановна. Свекровь подошла к сыну и остановилась рядом, почти касаясь его локтя. — Но можно ведь найти человеческое решение. Дети привыкли, что у них есть дом, есть семья, есть место, куда можно приехать. Ты сейчас думаешь только о том, как Серёже сделать больнее, а пострадают все. Потом сама будешь жалеть, что в таком состоянии решилась на развод и продажу.

Нина посмотрела на них обоих и впервые ощутила себя лишней не только в спальне. Они стояли рядом, говорили по очереди, подхватывали слова друг друга, а ей приходилось объяснять, почему она не хочет жить возле мужниной любовницы и почему у неё должно остаться своё жильё. Сергей ещё несколько минут назад уверял, что взрослые дети всё поймут, но теперь ссылался на них всякий раз, когда Нина отказывалась принять предложенные условия. Она вспомнила Юлино утреннее объятие, Артёмово сообщение с просьбой привезти какие-то оставленные у сестры бумаги и упрямо держалась за мысль, что дети хотя бы выслушают её без этих рассуждений о семейном удобстве.

— Я сама с ними поговорю, — сказала Нина. Она провела рукой по лицу, убрала со щеки прилипшую прядь и потянулась к сумке, где оставила телефон. — Расскажу, что здесь произошло, и спрошу, почему должна соглашаться. Вы за них сейчас не решайте. Они мои дети тоже, и я не собираюсь от них никуда уходить.

Сергей положил ладонь на спинку стула и посмотрел на неё без прежней попытки смягчить выражение лица. Нина остановилась, держа сумку за ручку, потому что увидела в его взгляде что-то уже совсем незнакомое. Он не торопился отвечать, давал ей заметить эту паузу, а Тамара Ивановна молча разгладила пальцами бумажную салфетку. За стеной негромко тикали

часы, которые Нина давно просила перенести из коридора, потому что ночью слышала каждый удар. Сейчас этот звук казался слишком отчётливым среди возникшего молчания.

— Детям скажем, что ты нас бросила, — произнёс Сергей. Он говорил негромко, без вспышки, и от этого Нина не сразу сумела поверить, что правильно услышала. — Я тебе предложил остаться, спокойно всё решить, никого не ставить перед выбором. А ты собралась разводиться, делить дом, выгонять сына. Вот пусть они сами и подумают, кто из нас семью сохранял, а кто решил всех наказать.

Нина почувствовала, как задрожали колени. Она поставила сумку обратно и ухватилась за край кровати, потому что боялась сесть прямо на пол. Перед глазами стояла Варя в школьной форме, которая утром обнимала её за шею и спрашивала, можно ли в воскресенье остаться у бабушки подольше. Нина совсем недавно целовала дочь на прощание, обещала позвонить, как доедет, и везла домой оставленные для Артёма бумаги. Ничего в этих простых движениях не могло измениться за один вечер, но Сергей уже собирался дать им другое объяснение. Она смотрела на мужа, пытаясь найти в его лице хотя бы смущение от произнесённого, и не находила.

— Ты ведь знаешь, что это неправда, — сказала Нина. Голос почти пропал, и ей пришлось повторить громче, чтобы он не сделал вид, будто не расслышал. — Ты прекрасно знаешь, как я к ним отношусь. Зачем ты так говоришь? Серёжа, ты женщину другую выбрал, но детей-то зачем трогать? Ты же их отец, ты понимаешь, что они почувствуют, если им такое сказать.

— А ты не создавай повода, — ответил он. Сергей убрал руку со стула и поправил манжету, как делал всегда, когда хотел показать, что разговор затянулся. — Я не собираюсь никого обманывать. Ты уходишь сама, тебя никто не выталкивает. И если после этого начнёшь разрушать всё, что у нас есть, дети будут знать, чьё это решение. У тебя всегда было своё мнение, вот и отвечай за него.

Нина повернулась к Тамаре Ивановне, всё ещё ожидая, что хотя бы теперь та вмешается иначе. Свекровь смотрела на неё с суровой озабоченностью, в которой не было ни удивления, ни возмущения словами сына. Нина вдруг поняла, что угроза не показалась ей чрезмерной. Тамара Ивановна уже принимала возможность объяснить детям уход матери её собственной жестокостью, если это поможет оставить Сергею дом и привычное положение в семье. Нина отвернулась, чувствуя, как снова подступают слёзы, и начала вытаскивать телефон из бокового кармана сумки.

— Детям незачем знать всё, что между мужем и женой происходит, — заговорила Тамара Ивановна. Она произнесла это почти мягко, словно давала разумный совет, и Нина медленно подняла голову. — Им своих забот хватает, особенно Юле. Можно объяснить, что ты устала, хочешь пожить отдельно, разобраться в себе. Зачем заставлять их стыдиться отца? Тебе же самой потом будет тяжело, если они начнут с ним ссориться.

— А меня им можно стыдиться? — спросила Нина. Тамара Ивановна раскрыла рот, но Нина не дала ей ответить, потому что больше не могла слушать. — Значит, про меня можно сказать, что я от детей устала и от семьи отказалась. Я сейчас выйду отсюда, а вы им расскажете, какая я мать. И после этого мне ещё предлагается вести себя достойно, чтобы вашему сыну не было неприятно.

Сергей резко сказал, что она опять всё выворачивает и приписывает им то, чего никто не произносил. Нина услышала его слова, но спорить уже не смогла: она боялась, что ещё несколько минут — и начнёт хватать вещи, бить что-нибудь или умолять его перестать говорить о детях. Ни одного из этих движений она сейчас не могла себе позволить. Ей нужно было выйти из комнаты, где они вдвоём стояли между ней и прежней жизнью, а потом уже решить, что делать дальше. Нина взяла сумку, прошла в гостевую и начала искать среди сложенной одежды самое необходимое на ночь.

Она действовала неловко, несколько раз перекладывала одни и те же вещи, не могла найти зарядку и вдруг обнаружила её в кармане дорожной сумки, куда сама убрала утром. На подушке лежала её ночная рубашка. Нина взяла её, заметила, что ткань пахнет чужими духами, и положила обратно, выбрав вместо неё старую хлопковую футболку. Сергей появился в дверях и спросил, куда она собирается. Нина не ответила сразу, проверила, на месте ли кошелёк и ключи, затем застегнула сумку, прижав молнию ладонью. Ей хотелось взять больше, но сил разбираться с оставшимися вещами не было.

— Я сегодня здесь не останусь, — сказала она. Сергей прислонился плечом к дверному косяку, и Нина, увидев эту привычную домашнюю позу, едва не заплакала снова. — Это не значит, что я от чего-нибудь отказываюсь. Я приеду за остальным, и о доме мы ещё будем разговаривать. Сейчас отойди, пожалуйста. Я хочу пройти.

— Я могу тебя отвезти, — предложил он после паузы. В голосе снова появилось то осторожное спокойствие, с которого всё началось. — Не надо садиться в машину к незнакомому человеку в таком виде. Скажи, куда тебе нужно, я отвезу, а завтра поговорим нормально. Ты сейчас ничего не слышишь, только злишься.

Нина посмотрела на него, потом на собственную сумку. Ей представилось, как она сидит рядом с ним в машине, старается не плакать, а он ведёт привычной дорогой и продолжает объяснять, почему всё можно было устроить без крика. Она покачала головой, обошла его и пошла к выходу. На кухонном столе стоял её пакет с продуктами, возле него лежал нож, которым кто-то уже разрезал упаковку хлеба. У дальней стены были приготовлены три чашки. Нина отвела глаза, села на пуфик и принялась застёгивать туфли, хотя пальцы плохо попадали в пряжку.

Тамара Ивановна вышла следом и сказала, что в доме полно еды, можно сначала выпить чаю, успокоиться и никуда не ехать на ночь глядя. На улице ещё было светло, но свекровь произнесла это с таким видом, словно Нина собиралась совершить что-то безрассудное. Нина не ответила. Она нашла номер Любы и нажала вызов, прижав телефон к уху, чтобы не видеть лица стоявших рядом. Подруга взяла трубку не сразу; за время ожидания Нина успела несколько раз пожалеть, что не может просто оказаться где-нибудь одна, не объясняя никому, почему у неё дрожит голос.

— Люба, ты дома? Можно я к тебе приеду? — спросила она, глядя на свои колени. С другой стороны сразу стало тихо, будто подруга отложила всё, чем занималась. — Я не знаю пока, на сколько. На сегодня хотя бы. Серёжа… у него другая, он её сюда привёл. Мне нужно уехать, я сейчас не могу здесь оставаться.

Люба не стала задавать вопросов, попросила приехать и сказала, что будет ждать. Нина услышала её спокойный, собранный голос и почувствовала, насколько близка к тому, чтобы разрыдаться прямо в прихожей. Она коротко поблагодарила, закончила вызов и заказала машину. Сергей наблюдал за ней молча, а Тамара Ивановна поджала губы, явно недовольная тем, что семейный разговор уже перестал оставаться между ними. Нина поднялась, надела лёгкий плащ и проверила ключи ещё раз. Перед выходом она обернулась к мужу, потому что боялась оставить хотя бы видимость согласия с тем, что он предложил.

— Я ухожу сегодня от тебя, — сказала Нина. Ей пришлось сделать вдох, прежде чем продолжить, и Сергей терпеливо ждал, глядя ей в лицо. — От того, что ты здесь устроил. К детям это никакого отношения не имеет, и ты это знаешь. Не смей говорить им, что я их бросила. Я сама с ними поговорю, слышишь?

Сергей ничего не ответил, только отвёл взгляд в сторону кухни. Нина открыла дверь, вышла на крыльцо и спустилась по ступенькам, стараясь не торопиться, чтобы он не увидел, как плохо она сейчас держится на ногах. У калитки пришлось остановиться и переставить сумку в другую руку. Соседский мальчик проехал на велосипеде, поздоровался, и Нина автоматически кивнула ему, хотя не сразу узнала. Всё вокруг оставалось привычным: открытое

окно в соседнем доме, ведро возле забора, вечерний свет на дорожке. Она достала телефон и позвонила Артёму, ожидая ответа с такой жадной надеждой, что после первых длинных гудков стало трудно дышать.

Сын не ответил. Нина посмотрела на экран, попробовала ещё раз, затем написала, чтобы он перезвонил ей как можно скорее. Юлин номер оказался занят. Нина опустила телефон и постаралась вспомнить, во сколько дочь сегодня заканчивает работу, но мысли путались. Ей хотелось услышать хотя бы одно привычное «мам» и рассказать всё человеку, перед которым не нужно доказывать, что она имеет право плакать. Когда подъехала машина, Нина не сразу заметила её и вздрогнула от короткого сигнала. Водитель помог поставить сумку, назвал адрес, а она кивнула, не поднимая глаз.

В дороге Нина сидела, прижав ладонь к губам, и смотрела в боковое окно. Несколько раз телефон казался ей слишком тихим, и она проверяла экран, хотя знала, что звук включён. Артём прислал короткое сообщение, что занят и перезвонит позже, но звонка пока не было. Нина начала писать ему о Сергее, стёрла первую фразу, набрала снова и наконец отправила, что ушла к Любе, потому что отец собирается жить дома с другой женщиной. Она не хотела оставлять ему только Сергеево объяснение, каким бы оно ни оказалось. После этого снова набрала Юлию, но дочь всё ещё с кем-то разговаривала.

Люба открыла дверь раньше, чем Нина успела позвонить. На ней был домашний халат, волосы она наскоро заколола на затылке, а лицо выглядело так, словно за несколько минут успела пересмотреть всё, что думала о Сергее. Подруга забрала сумку, помогла Нине снять плащ и провела её на кухню, не требуя немедленно рассказать подробности. Нина села на стул возле окна и только тогда заметила, что у неё болят руки. На ладонях оставались следы от ногтей, а пальцы плохо разгибались. Люба поставила перед ней воду, придвинула коробку с салфетками и села рядом.

— Он мои вещи убрал, — произнесла Нина, неожиданно для себя начав именно с этого. Она взяла стакан, но пить не стала, только держала его обеими руками. — Я в спальню пришла, а там её платья. Он уже всё приготовил, понимаешь? Я Варе сегодня хвостик переделывала три раза, потому что ей резинка тянула, а потом продукты ему покупала. И приехала вот в это.

Люба тихо выругалась, но не перебила. Нина рассказала о гостевой комнате, о Тамаре Ивановне, сидевшей на кухне, о Сергеевых словах про детей. Когда дошла до угрозы, голос снова начал срываться, и она поставила стакан, опасаясь расплескать воду. Подруга придвинулась ближе и положила ладонь ей на плечо. Нина терпела это прикосновение несколько секунд, потом закрыла лицо руками и заплакала так, как не позволяла себе дома: громко, с короткими судорожными вдохами, без попыток немедленно объяснить, что сейчас успокоится. Люба оставалась рядом и молчала, пока у Нины не зазвонил телефон.

На экране появилось Юлино имя. Нина вытерла лицо, попросила Любу минуту подождать и ответила, слишком быстро произнеся первое слово. Дочь сразу спросила, где она и что случилось, потому что пришло сообщение от Артёма, а до этого звонил отец. Нина прижала телефон крепче, но не стала пока спрашивать о Сергее. Ей нужно было успеть сказать самой, до очередных объяснений, которые снова представят её человеком, не сумевшим спокойно принять разумное предложение. Она коротко рассказала о чужих вещах в спальне и о том, что муж собирается жить с Оксаной в их доме.

— С какой Оксаной? Мама, подожди, ты сейчас серьёзно? — Юлия говорила быстро, и Нина услышала, как дочь отошла куда-то и прикрыла дверь. — Он тебе прямо так сказал? Что она будет там жить? Господи… Ты почему ко мне не приехала? Я бы тебя встретила, у нас же всё равно твои вещи ещё остались.

— Я у Любы, — ответила Нина. Она посмотрела на подругу и попыталась благодарно кивнуть, но получилось только неловкое движение головой. — К тебе сейчас не хочу, Варя увидит, что я плачу. Я ей ничего не смогу объяснить, да и тебе после работы не до этого.

Юля, он мне гостевую комнату приготовил. Мои вещи в сумки сложил, представляешь? И твоя бабушка там была, она всё знала.

Юлия замолчала, и Нина вдруг испугалась этого молчания сильнее, чем вопросов. Она слышала на другом конце тихие домашние звуки: где-то говорил телевизор, Варя позвала отца, потом что-то упало на пол. Ещё утром Нина была там, застёгивала внучке платье, собирала свою сумку и обещала дочери позвонить после приезда. Теперь ей приходилось объяснять, почему она находится в чужой кухне и не может перестать дрожать. Нина хотела, чтобы Юлия просто сказала, что понимает её, но дочь заговорила осторожно, словно уже успела подобрать слова, которые не должны были никого обидеть.

— Мама, давай завтра увидимся и всё спокойно обсудим, — сказала Юлия. Она помолчала, затем добавила, что позовёт Артёма, если тот сможет приехать. — Только ты сейчас, пожалуйста, ничего не решай. Ты очень расстроена, я слышу. Не надо сегодня ни про развод, ни про дом, ни про что такое. Вы же столько лет вместе, нельзя всё в один вечер перечеркнуть.

Нина отняла телефон от уха и посмотрела на экран, хотя связь не прерывалась. Люба заметила движение, вопросительно наклонилась к ней, но Нина покачала головой и снова прижала трубку. Она уже слышала подобные слова сегодня, только произносили их другие люди. Юлия не могла видеть ни чужую одежду, ни собранные сумки, и Нина попыталась объяснить ещё раз, медленнее, чтобы дочь не решила, будто речь идёт об обычной ссоре. Она сказала, что Сергей уже привёл Оксану в дом и оставаться рядом с ними не собирается.

— Я поняла, мам, я поняла, — поспешно ответила Юлия. В её голосе была тревога, но за ней слышалось и какое-то заранее приготовленное предостережение. — Просто папа звонил перед тобой. Он сказал, что у вас тяжёлый разговор, что ты можешь уйти и сейчас очень злишься. Попросил меня с тобой поговорить, чтобы ты не принимала решений сгоряча. Я не за него, ты только не думай, я за вас обоих переживаю.

Нина опустила свободную руку на колени и стиснула пальцами край юбки. Сергей успел позвонить дочери, пока она стояла у калитки, пыталась дозвониться детям и ждала машину. Юлия ещё не знала про Оксану, но уже получила просьбу удержать мать от необдуманных поступков, и теперь повторяла её почти теми же словами. Нина договорилась приехать завтра, спросила, всё ли хорошо у Вари, и попросила передать внучке, что любит её. После разговора она положила телефон на стол экраном вниз, но тут же снова взяла, ожидая звонка Артёма. Люба спросила, что сказала дочь, и Нина некоторое время не могла ответить, потому что от попытки заговорить снова начинали дрожать губы.

Глава 2. А ты подумала о нас?

Нина проснулась от звука воды, льющейся за стеной, и несколько секунд не могла понять, где находится. Над головой был чужой потолок, справа стоял небольшой книжный шкаф, а на спинке стула висел её вчерашний плащ. За окном занималось серое сентябрьское утро, и в комнате было прохладно от оставленной на ночь приоткрытой форточки. Нина потянулась к телефону, лежавшему возле подушки, но сначала увидела собственную сумку и вспомнила, почему спала в гостевой комнате Любы. Она легла обратно, закрыла глаза и попыталась хотя бы ненадолго отложить воспоминания, однако перед ней сразу возник Сергей возле шкафа, держащий в руках чужую блузку. Оттого, что за ночь ничего не изменилось и всё случившееся оказалось настоящим, Нине стало так тяжело, что она натянула одеяло до подбородка и ещё некоторое время лежала совершенно неподвижно.

Заснула она только под утро, после нескольких часов мучительных размышлений и бесполезных попыток устроиться поудобнее. Люба несколько раз заглядывала к ней, предлагала чай и успокаивающее, но Нина отказывалась, уверяя, что сейчас полежит и непременно уснёт. Вместо этого она вспоминала последние месяцы, стараясь определить, когда Сергей начал вести себя иначе. Он действительно чаще задерживался в мастерской, несколько раз уезжал в выходные по делам, стал внимательнее относиться к телефону и даже купил себе новый одеколон. Тогда Нина радовалась, что муж наконец начал следить за собой, а его поздние возвращения объясняла большим количеством заказов. Теперь каждая такая мелочь приобретала отвратительный смысл, и от собственного доверия становилось почти стыдно.

На экране телефона было несколько сообщений. Юлия поздно вечером написала, что поговорила с Артёмом и предлагает всем встретиться сегодня после пяти. Варя после школы останется у другой бабушки, поэтому можно будет спокойно обсудить происходящее. Следом пришло короткое сообщение от сына: «Мам, я буду у Юли. Давай без скандалов, пожалуйста». Нина прочитала его дважды, чувствуя, как внутри начинает подниматься вчерашняя злость. Ещё ничего не было сказано, а Артём уже просил её не устраивать скандал, словно происходящее зависело исключительно от того, насколько громко она станет разговаривать.

Она несколько минут набирала ответ, стирала и снова набирала. Хотелось спросить, почему сын не написал, как она себя чувствует, не предложил приехать за ней и не поинтересовался, действительно ли отец привёл другую женщину в их дом. Но Нина побоялась начать ссору ещё до встречи и ограничилась коротким обещанием приехать вовремя. После этого отложила телефон и села на край кровати, стараясь привести мысли в порядок. Сегодня она увидит детей, расскажет им всё с самого начала, и они обязательно поймут, почему вчера ей пришлось уехать. Нина повторила себе это несколько раз, хотя Артёмово сообщение никак не вязалось с той поддержкой, на которую она рассчитывала.

Люба встретила её на кухне уже одетая, с кружкой кофе в руках. На столе стояла тарелка с бутербродами, а возле чайника лежала пачка Нининого любимого чая, которую подруга, вероятно, специально достала из шкафа. Люба посмотрела на её опухшие глаза, хотела что-то сказать, но передумала и только придвинула стул. Нина села, машинально поправила скатерть возле тарелки и попросила налить ей кипятка. Есть не хотелось, однако Люба настойчиво подвинула к ней бутерброд, и Нина откусила небольшой кусочек, понимая, что иначе подруга не отстанет.

— Ты сегодня к детям собираешься? — спросила Люба, дождавшись, когда Нина немного придёт в себя. Она убрала со стола пустую чашку и села напротив, внимательно посмотрев на подругу. — Только не пытайся опять всем всё объяснить так, будто ты перед ними виновата. Ты вчера приехала домой и обнаружила, что муж поселил там любовницу. Что тут ещё надо доказывать?

— Они же не видели, как всё было, — ответила Нина, подцепив ложечкой кусочек сахара, который никак не хотел растворяться. — Серёжа им раньше позвонил, наговорил неизвестно чего. Юля вчера будто испугалась, а потом начала меня уговаривать ничего не решать. Я понимаю, что ей тяжело, Артём тоже за дом переживает, но ведь они мои дети. Не могут же они всерьёз считать, что я должна остаться там с этой женщиной.

Люба нахмурилась, но спорить не стала. Она знала Юлию и Артёма с детства, помнила, как Нина водила их в школу, как помогала дочери с первой квартирой и сколько раз подруга отказывалась от собственных планов, чтобы выручить кого-нибудь из семьи. Люба не раз говорила ей, что взрослым детям полезно иногда справляться самостоятельно, однако Нина обычно отмахивалась, уверяя, что ей самой приятно помогать. Сейчас подруга смотрела на неё с таким выражением, словно хотела напомнить обо всех этих разговорах, но понимала, что даже справедливые слова могут причинить лишнюю боль.

— Они могут растеряться, могут сказать глупость, — наконец произнесла Люба, придвигая к Нине тарелку. — Только ты не обязана из-за этого соглашаться на то, что Сергей придумал. Вчера он тебе уже показал, как намерен разговаривать. Сегодня хотя бы постарайся сама себя не загонять в угол, а то начнёшь их жалеть и забудешь, зачем пришла.

Нина кивнула и попыталась доесть бутерброд. Ей хотелось верить, что Люба преувеличивает, потому что никогда не имела собственных детей и потому иначе смотрит на семейные отношения. Юлия могла обижаться, спорить, иногда несправедливо требовать помощи, но всегда оставалась любящей дочерью. Артём вырос молчаливым и упрямым, зато в трудную минуту обычно старался что-нибудь сделать, пусть и без лишних разговоров. Нина вспомнила, как он три года назад приехал поздно вечером менять потёкший кран, хотя после работы едва держался на ногах. Ей было необходимо сохранить уверенность, что вчерашние слова Сергея не смогут перечеркнуть подобные воспоминания.

До встречи оставалось несколько часов, и Нина попыталась заняться обычными делами. Она приняла душ, переоделась в тёмные брюки и светлую блузку, которую накануне успела забрать из гостевой комнаты, затем долго расчёсывала волосы перед маленьким зеркалом. Лицо казалось осунувшимся, веки припухли, а вокруг глаз заметнее выступили морщинки. Нина достала косметичку, подкрасила ресницы, но после первой попытки пришлось всё смывать: рука дрогнула, оставив чёрную полоску возле виска. Она рассердилась, бросила тушь обратно и решила обойтись без неё. Ей вдруг стало обидно, что Сергей наверняка сегодня спокойно позавтракает, переоденется и отправится заниматься своими делами, пока она собирается к собственным детям с таким волнением, будто идёт на неприятный экзамен.

По дороге к Юлии Нина несколько раз проверяла время. Автобус ехал знакомым маршрутом, мимо небольшого сквера, продуктового магазина и школы, куда всего неделю назад она провожала Варю за руку. Возле ворот стояли родители, дети выбегали им навстречу с большими рюкзаками, и Нина невольно улыбнулась при виде девочки, которая что-то взволнованно рассказывала бабушке. Она вспомнила, как Варя в первый учебный день долго выбирала, какой бант надеть, а потом испугалась, что опоздает на торжественную линейку. Нина успокаивала внучку, поправляла ей воротничок и обещала, что будет ждать после уроков. Теперь ей хотелось как можно скорее увидеть девочку, обнять и услышать её обычные вопросы, но Юлия специально устроила встречу так, чтобы ребёнка не было дома.

Дверь дочериной квартиры открылась почти сразу после звонка. Юлия стояла на пороге в домашних брюках и длинной футболке, волосы были собраны в небрежный пучок, а лицо выглядело усталым. Увидев мать, она нахмурилась, затем шагнула вперёд и крепко обняла её. Нина прижалась к дочери, почувствовала знакомый запах её шампуня и на несколько секунд закрыла глаза. От этого объятия стало так хорошо, что она едва не расплакалась прямо на пороге, но заставила себя улыбнуться и спросила, как Варя провела день в школе.

— Нормально, у них сегодня рисование было, — ответила Юлия, помогая матери снять плащ. Она повесила его на крючок и осторожно коснулась Нининого плеча. — Мам, ты совсем не спала, да? У тебя вид ужасный. Пойдём на кухню, я чай поставила, а Артём скоро подъедет. Варя у свекрови, муж потом её заберёт, так что нам никто мешать не будет.

Нина прошла в кухню, где всё было знакомо до мелочей. На подоконнике стояли цветы, которые она сама пересаживала весной, возле холодильника висело расписание Вариных занятий, а на столе лежал детский пенал с отклеившимся уголком. Нина машинально взяла его, прижала отставший пластик пальцем и спросила, не нужен ли клей. Юлия сказала, что муж уже обещал починить, после чего забрала пенал и убрала на полку. Нина почувствовала неловкость, будто её поймали за попыткой заняться привычными делами вместо серьёзного разговора, и села на своё обычное место возле окна.

Юлия разлила чай, достала печенье и некоторое время рассказывала о школе. Нина слушала, задавала вопросы, но всё чаще замечала, как дочь поглядывает на телефон. Наконец Юлия отодвинула чашку, села напротив и осторожно спросила, действительно ли отец собирается жить с другой женщиной. Нина подняла глаза, удивившись тому, что дочь всё ещё допускает возможность недоразумения. Она подробно рассказала, как вернулась домой, нашла чужие вещи в спальне и услышала от Сергея, что Оксана будет жить там постоянно. Юлия несколько раз покачала головой, прикрыла рот ладонью и тихо выругалась, когда узнала, что бабушка тоже присутствовала при разговоре.

— Господи, мам, ну как он мог? — Юлия поднялась, обошла стол и снова обняла мать за плечи. — Я знала, что вы иногда ссоритесь, но чтобы вот так… И бабушка хороша, конечно. Она же тебе столько лет в глаза смотрела. Ты вчера правильно сделала, что уехала, я бы тоже не смогла там остаться.

Нина почувствовала облегчение, от которого задрожали губы. Она повернула голову, прижалась щекой к дочериной руке и несколько раз кивнула, не находя слов. Именно этого ей и не хватало со вчерашнего вечера: чтобы кто-нибудь из детей просто признал, насколько ужасно с ней поступили. Юлия погладила её по плечу, вернулась на своё место и стала говорить о том, что отец обязан хотя бы попросить прощения. Нина слушала, постепенно успокаиваясь, и уже начала думать, что вчерашний телефонный разговор действительно оказался неудачным из-за волнения.

Но когда речь зашла о разводе, Юлия снова нахмурилась. Она спросила, обязательно ли подавать заявление немедленно и нельзя ли сначала пожить отдельно, пока отец сам не поймёт, что натворил. Нина объяснила, что Сергей не просто изменил, а уже поселил другую женщину в их доме и совершенно не собирается ничего исправлять. Юлия согласилась, однако попросила не торопиться хотя бы с решением по дому. По её словам, разрушить сложившуюся жизнь легко, а потом вернуть всё на место окажется невозможно. Нина некоторое время смотрела на дочь, пытаясь понять, почему та говорит о будущем так, словно единственным опасным поступком станет её отказ терпеть происходящее.

— Юль, а что именно ты предлагаешь? — спросила Нина, придвинув чашку, из которой так и не выпила чай. Она старалась говорить спокойно, потому что дочь сидела перед ней с искренне встревоженным лицом. — Чтобы я подождала, пока папа поживёт с Оксаной, а потом, если вдруг передумает, приняла его обратно? Или чтобы я в гостевой комнате поселилась? Он ведь мне именно это предложил, ты понимаешь?

— Нет, мам, конечно, я не об этом, — поспешно ответила Юлия и потёрла лоб ладонью. — Я просто думаю, что не надо сейчас ничего окончательно решать. Вы столько лет прожили вместе, у вас дом, общие дела, мы с Артёмом. И Варя ведь очень к вам привыкла, она каждую неделю спрашивает, когда поедем к бабушке с дедушкой. Как я ей объясню, что теперь всё по-другому?

Нина посмотрела на расписание возле холодильника, вспомнила, как Варя просила оставить ей на воскресенье кусочек пирога, и почувствовала неприятный укол. Она сама не знала, как объяснит внучке произошедшее, но уж точно не собиралась отказываться от девочки. Юлия говорила о Варе так, будто развод родителей автоматически означал прекращение встреч с бабушкой, и Нина не понимала, откуда взялось это предположение. Ещё вчера дочь знала, что мать готова приехать по первому звонку, а сегодня уже боялась, что та разрушит привычную жизнь ребёнка.

— А почему Варя должна перестать ко мне приезжать? — спросила Нина. Юлия подняла глаза, и мать заметила, что дочь заранее готовится к неприятному ответу. — Я с папой развожусь, а не с вами. Ты можешь привозить её ко мне, я сама буду приезжать, будем гулять, как раньше. Да, у меня пока нет своего жилья, но я же не собираюсь исчезать. Ты говоришь так, словно я всех вас бросить решила.

— Мам, не передёргивай, пожалуйста, — ответила Юлия, и в её голосе впервые появилось раздражение. Она потянулась к чашке, но вместо этого взяла салфетку и принялась складывать её пополам. — Никто не говорит, что ты нас бросаешь. Просто раньше у нас было место, куда можно приехать всей семьёй, где Варя привыкла проводить выходные. А теперь ты хочешь всё разделить и продать. Конечно, это отразится на нас, как ты этого не понимаешь?

Нина медленно откинулась на спинку стула. Ей хотелось спросить, неужели дочь действительно считает общий семейный стол важнее того, что мать теперь должна уступить своё место любовнице мужа. Но Юлия смотрела на неё с таким искренним непониманием, что Нина почувствовала себя виноватой ещё до того, как успела ответить. Она вспомнила, сколько раз сама говорила детям, что дом всегда будет их общим местом, сколько праздников здесь устраивала и как радовалась, когда они приезжали без предупреждения. Тогда ей не приходило в голову, что однажды эти обещания используют против неё.

— Я ничего не хочу продавать назло вам, — произнесла Нина, стараясь не повышать голос. Она провела рукой по столу, убирая несколько крошек, хотя они совершенно не мешали. — Я хочу, чтобы у меня было где жить. Папа же не предлагает мне половину дома оставить, а сам уйти. Он решил там с другой женщиной жить и считает, что я должна согласиться на гостевую комнату. Если я уйду и оставлю всё ему, куда мне потом возвращаться, Юля?

Дочь открыла рот, но в этот момент в прихожей раздался звонок. Юлия поднялась, облегчённо выдохнув, и пошла открывать. Нина услышала знакомые шаги, негромкий разговор и шорох снимаемой куртки. Артём вошёл на кухню, чуть пригнувшись в дверном проёме, хотя потолки здесь были вполне обычные. На нём оставалась рабочая футболка, рукава которой были закатаны, а возле воротника виднелась светлая древесная пыль. Он выглядел усталым, но, заметив мать, постарался улыбнуться.

— Привет, мам, — сказал Артём, подходя и неловко обнимая её одной рукой. От него пахло мастерской и свежим воздухом, и Нина на мгновение вспомнила маленького мальчика, который когда-то забегал домой после школы и первым делом требовал показать, что приготовлено на обед. — Как ты? Юля сказала, ты у тёти Любы остановилась. Нормально там устроилась? Если что-то нужно привезти из дома, скажи, я заберу.

— Привет, сынок, — ответила Нина, стараясь не показать, насколько ждала его приезда. Она удержала его руку возле своего плеча на несколько секунд и только потом отпустила. — Я вчера тебе звонила, ты так и не перезвонил. Я понимаю, что ты работал, но мне очень нужно было с тобой поговорить. Ты хоть знаешь, что папа устроил?

Артём отвёл глаза, снял с запястья часы и положил их рядом с телефоном. Он сказал, что отец уже звонил и он примерно представляет, что произошло. Нина хотела уточнить, что именно Сергей рассказал, но сын сначала налил себе воды, выпил почти весь стакан и спросил, можно ли открыть окно. Юлия разрешила, после чего предложила ему чай. Нина наблюдала за

их обычными домашними движениями и всё яснее чувствовала, что оба ребёнка уже успели обсудить происходящее между собой, пока она провела ночь без сна у подруги.

— Мы с Юлей решили, что лучше всем спокойно поговорить, — начал Артём, садясь напротив матери. Он положил локти на стол, но почти сразу убрал их и сцепил руки на коленях. — Я не собираюсь папу оправдывать, сразу говорю. То, что он сделал, конечно, неправильно. Только теперь надо понять, как из этого выходить, чтобы окончательно всех не перессорить.

Нина кивнула, ожидая продолжения. Артём некоторое время смотрел на чашку, затем спросил, действительно ли мать потребовала раздела дома и собирается добиваться его продажи. Он произнёс это осторожно, словно проверял неприятный слух, но Нина сразу почувствовала, как возвращается злость. Она ещё не успела рассказать сыну ни про чужую одежду в шкафу, ни про Тамару Ивановну, ни про произнесённую Сергеем угрозу, а Артёма прежде всего интересовал дом.

— Да, я сказала, что буду делить дом, — ответила Нина. Она старалась смотреть сыну в глаза, однако тот снова отвёл взгляд к окну. — А что мне оставалось? Папа меня из спальни выселил, Артём. Он мои вещи перенёс, пока я у Юли была, и туда чужую женщину поселил. Ты понимаешь, как это вообще выглядело? Я домой приехала, а мне говорят, что теперь моё место в гостевой комнате.

— Я понимаю, мам, — сказал Артём, хотя по выражению его лица было трудно определить, что именно он понял. Он потёр ладонью подбородок и заметно напрягся. — Просто если дом продавать, мне ведь тоже надо будет съезжать. Мы с Леной там живём, у нас свои планы, деньги откладываем. И мастерская у папы, я от него сейчас завишу по работе. Мне всё это куда девать?

Нина долго смотрела на сына, не находя ответа. Она знала, что Артём рассчитывает со временем получить отцовское дело, и сама много раз радовалась, что он нашёл работу рядом с Сергеем. Сын окончил колледж, несколько лет пробовал разные занятия, а потом отец предложил ему постоянное место в мастерской. Дело постепенно наладилось, Артём начал хорошо зарабатывать, и Нина считала, что его будущее устроено. Но теперь он говорил так, словно мать обязана сохранить ему эти удобства, даже если ради них придётся отказаться от собственной половины дома.

— Артём, ты же не маленький, — сказала Нина после паузы. Она заметила, как сын нахмурился, и поспешила смягчить голос, но не стала отказываться от сказанного. — Ты работаешь, Лена тоже. Да, придётся искать жильё, если дом продадим, но вы ведь и раньше собирались когда-нибудь отдельно жить. Я не говорю, что завтра вас выставлю. Мне самой нужно время, чтобы хоть что-нибудь решить.

— Вот опять, — Артём поднял голову и коротко усмехнулся. Улыбка вышла натянутой, он сразу перестал улыбаться и положил ладони на стол. — Папа как раз говорил, что ты недовольна, что мы с Леной там живём. Я думал, он преувеличивает, а ты сейчас сама говоришь, что нам пора съезжать. Мы тебе мешаем, получается?

— Кто тебе такое сказал? — Нина выпрямилась и посмотрела на сына с искренним изумлением. Она вспомнила несколько недавних разговоров, но ни один из них не имел отношения к желанию выгнать Артёма. — Я тебе когда сказала, что ты мне мешаешь? Я просила хотя бы предупреждать, когда вы гостей приводите, и участвовать в расходах, потому что вы там вдвоём живёте. Ты же сам тогда согласился. Как это превратилось в то, что я хочу вас выгнать?

Артём пожал плечами, но Нина заметила, что он уже не так уверен в своей правоте. Юлия молча слушала, перебирая ложечку в пальцах, и выглядела всё более напряжённой. Нина вспомнила, как летом сын с Леной пригласили друзей, ничего не сказав родителям, а потом оставили грязную посуду и мусор во дворе. Она тогда рассердилась, потому что утром собиралась принимать гостей сама, а Сергей предложил не придираться к молодым. Через несколько

дней Нина попросила Артёма не устраивать такие встречи без предупреждения. Теперь выяснялось, что Сергей представлял этот разговор как проявление её недовольства сыном.

— Папа сказал, ты давно считаешь, что мы у вас на шее сидим, — произнёс Артём, помедлив. Он посмотрел на Юлию, словно надеялся, что сестра поддержит его, но та только вздохнула. — И что ты хочешь половину дома получить, чтобы наконец от всех нас отделаться. Я понимаю, что он сейчас тоже злится, но ведь ты сама говорила, что устала постоянно за всеми убирать.

Нина почувствовала, как к лицу приливает жар. Она действительно говорила это, причём не однажды, и даже сейчас не собиралась отказываться от своих слов. Но ей казалось совершенно очевидным, что усталость от чужих немытых тарелок не имеет ничего общего с желанием избавиться от родного сына. Нина вспомнила, как всё лето носила им с Леной овощи с огорода, покупала любимые Артёмом продукты и переживала, когда он поздно возвращался из мастерской. Ей было обидно, что сын, знающий всё это, предпочёл пересказанный отцом разговор и даже не попытался уточнить, что она имела в виду.

— Да, устала, — сказала Нина, уже не стараясь скрыть раздражение. Она посмотрела на обоих детей и заставила себя продолжить, хотя голос снова начал дрожать. — Устала убирать, устала всем напоминать, устала подстраиваться. Но я от вас не устала, понимаете? Я вчера у Юли пять дней провела, потому что с Варей нужно было помочь, а сейчас должна доказывать, что не собираюсь вас бросать. Вы хоть сами слышите, что говорите?

Юлия подняла ладонь, прося мать не сердиться, и сказала, что никто не обвиняет её в нелюбви к детям. Однако тут же вспомнила собственный разговор с отцом, который состоялся ещё летом. Сергей тогда рассказывал, что Нина жалуется на постоянные просьбы посидеть с Варей, считает дочь слишком зависимой от родителей и хочет наконец жить для себя. Юлия призналась, что после этого старалась реже обращаться за помощью, хотя ей было трудно совмещать работу с новыми школьными заботами. Нина смотрела на неё и постепенно вспоминала тот самый разговор, который муж, вероятно, использовал в качестве доказательства.

В конце августа она действительно поссорилась с Юлией. Дочь вечером позвонила и сообщила, что завтра ей нужно задержаться на работе, поэтому мать должна забрать Варю, хотя они заранее договорились о другом дне. Нина тогда уже собиралась ехать с Любой за покупками и попросила хотя бы иногда предупреждать заранее. Юлия обиделась, сказала, что больше некому помочь, а Нина в сердцах ответила, что бабушка не может быть свободна круглосуточно. Потом они помирились, договорились о новом расписании, и Нина сама предложила пожить у дочери несколько дней, пока та привыкнет к школьному графику. Она даже не предполагала, что Сергей запомнит только её сердитые слова.

— Юля, я ведь потом приехала, — напомнила Нина, глядя на дочь. Та молчала, и Нина почувствовала, что начинает оправдываться, хотя обещала себе не делать этого. — Я отпуск взяла, чтобы тебе помочь. Ты сама меня попросила, мы всё обсудили. Я тогда просто хотела, чтобы ты не ставила меня перед фактом. Разве это значит, что мне Варя надоела? Ты же видела, как я с ней возилась, как переживала, когда она в школу пошла.

— Видела, мам, конечно, — ответила Юлия, но в её голосе слышалось утомление. Она пододвинула к матери тарелку с печеньем, словно это могло немного смягчить разговор. — Только ты не понимаешь, как мне было неприятно услышать, что я тебя постоянно нагружаю. Я ведь не от хорошей жизни прошу. Мы с мужем оба работаем, у Вари занятия, а ты всегда говорила, что рада помогать. И папа потом сказал, что ты давно хочешь, чтобы мы меньше от тебя зависели.

Нина опустила глаза на свои руки. Ей захотелось спросить, сколько ещё раз она должна приехать, сколько вечеров провести с внучкой и сколько собственных дел отменить, чтобы однажды сказанное в сердцах перестало считаться доказательством её равнодушия. Но Юлия выглядела искренне обиженной, и Нина по привычке почти начала её утешать. Она уже

открыла рот, чтобы объяснить, что всегда рада Варе, однако вовремя вспомнила вчерашнюю спальню и Сергея, спокойно говорившего о новом устройстве их жизни. За несколько минут дочь и сын заставили её обсуждать давние бытовые обиды вместо того, чтобы спросить, как она пережила мужнину измену.

— Хорошо, давайте по-другому, — сказала Нина и глубоко вдохнула. Она посмотрела сначала на Юлию, потом на Артёма, стараясь говорить медленно и ясно. — Допустим, я действительно иногда жалуюсь. Допустим, мне хочется больше свободного времени, я устаю от готовки и уборки. Разве из этого следует, что папа имеет право привести другую женщину в нашу спальню? Почему мы сейчас говорим о моих жалобах, а не о том, что он сделал?

Артём начал объяснять, что никто не оправдывает отца, но мать перебила его, потому что уже не могла слушать очередное подтверждение, за которым неизменно следовало новое обвинение. Юлия попросила обоих успокоиться и сказала, что им придётся как-то жить дальше, независимо от того, кто в чём виноват. Нина согласилась, однако спросила, почему это будущее обязательно должно строиться на её уступках. Ответа не последовало. Артём посмотрел на телефон, лежавший возле чашки, быстро что-то прочитал и перевернул экран вниз. Нина заметила это движение, но не придала ему значения, решив, что сыну написали с работы.

— Мам, я просто прошу не торопиться с домом, — сказал Артём, снова возвращаясь к самому болезненному для него вопросу. Он наклонился вперёд, стараясь поймать её взгляд. — Папа ведь обещал мне со временем мастерскую передать, мы с ним столько лет вместе работаем. Если вы сейчас всё начнёте делить, он разозлится, и вообще неизвестно, что будет. Дай нам хотя бы несколько месяцев разобраться. Ты же можешь пока у тёти Любы пожить, она тебя не выгонит.

Нина смотрела на сына, не веря, что он произнёс последние слова. Люба действительно не выгонит, она даже обидится, если подруга поспешит съехать только из неловкости. Но Артём говорил о чужой квартире как о готовом решении материнских проблем, тогда как собственное проживание в родительском доме считал обстоятельством, которое нельзя нарушать. Нина представила, как просыпается на Любиным диване месяц за месяцем, ищет свои вещи в дорожной сумке и ездит на работу с другого конца города, пока сын продолжает жить в отдельной части дома, а Сергей устраивает спальню для Оксаны. Её передёрнуло от этого представления, и она резко отодвинула чашку.

— Значит, мне можно у Любы пожить, — повторила она, глядя Артёму прямо в лицо. Сын нахмурился, но Нина уже не могла остановиться. — А тебе нельзя снять квартиру с Леной, потому что ты привык к дому. Папа может привести туда любовницу, потому что ему хочется новой жизни, а я должна где-нибудь подождать, чтобы никому не мешать. Артём, ты хоть понимаешь, что предлагаешь собственной матери?

— Да я не это имел в виду! — Он раздражённо выпрямился и посмотрел на сестру, ожидая поддержки. Юлия сделала успокаивающее движение рукой, но Артём продолжил, заметно повысив голос. — Я говорю, что всем тяжело, а ты будто специально выбираешь самое болезненное решение. Папа неправ, я это уже сказал. Но зачем обязательно сразу всё делить? Можно же попробовать договориться.

— О чём договориться? — спросила Нина, чувствуя, что слёзы снова подступают к глазам. Она вытащила из сумки салфетку, промокнула щёку и сердито смяла бумагу. — Чтобы я подписала ему дом, а потом просила разрешения приехать в гости? Он мне вчера так и сказал, что если я начну делить имущество, детям объяснят, будто я вас бросила. Вот о чём он со мной договаривался. И ты сейчас предлагаешь мне принять его условия, потому что тебе так удобнее.

Артём хотел ответить, но в прихожей раздался звонок. Юлия вздрогнула и посмотрела на часы, после чего растерянно перевела взгляд на брата. Нина тоже обернулась, подумав, что раньше времени вернулась Варя, хотя было ещё слишком рано. Артём поднялся из-за стола,

неловко поправил футболку и сказал, что, наверное, приехал отец. Юлия остановилась на полпути к двери, а Нина медленно повернулась к сыну, испытывая такое неприятное предчувствие, что на несколько секунд забыла о только что сказанном.

— Какой отец? — спросила Юлия раньше матери. Она посмотрела на Артёма с раздражением, которое тот явно не ожидал увидеть. — Ты папу позвал? Мы же договаривались сначала сами поговорить. Зачем ты это сделал, Артём?

— Потому что мы всё равно без него ничего не решим, — ответил сын, стараясь говорить уверенно. Он уже направился к прихожей, но остановился, услышав, как мать поднялась со стула. — Мам, не начинай, пожалуйста. Я подумал, что лучше один раз всем вместе сесть и нормально договориться. Он сам сказал, что готов приехать, если мы будем разговаривать.

Нина стояла возле стола и смотрела на сына. Ещё несколько минут назад она пыталась добиться, чтобы он выслушал её, а теперь выяснялось, что всё это время Артём знал о скором приезде Сергея. Она почувствовала себя обманутой, хотя сын ещё не успел ничего объяснить. Ей захотелось взять сумку и уйти, но тогда муж останется с детьми и сможет продолжить разговор без неё. Нина села обратно, положила руки на колени и с усилием заставила себя ждать, пока Юлия откроет дверь.

Сергей вошёл на кухню через несколько минут, успев поздороваться с дочерью и снять куртку. Он был гладко выбрит, в чистой рубашке и тёмных брюках, словно собирался не на семейный разговор, а на встречу с заказчиком. Нина невольно заметила, что выглядит муж гораздо лучше неё. Она провела ночь почти без сна, собиралась к детям с опухшими глазами и дрожащими руками, а он пришёл спокойный, аккуратно одетый и, судя по всему, заранее подготовленный к неприятным вопросам. Сергей остановился возле свободного стула, посмотрел на жену и тяжело вздохнул, после чего обратился к дочери.

— Здравствуй, Юля, — сказал он, положив телефон на край стола. Потом перевёл взгляд на Нину и чуть заметно кивнул. — Привет. Я так понимаю, вы уже поговорили. Артём сказал, что лучше собраться всем вместе, чтобы не передавать друг другу обрывки разговоров. Надеюсь, сегодня мы сможем спокойно всё обсудить.

Нина почувствовала, как внутри всё сжимается от его голоса. Она вспомнила вчерашнее «детям скажем», услышанное в спальне, и захотела немедленно повторить эти слова при дочери и сыне. Но Сергей уже сел, поблагодарил Юлию за предложенный чай и спросил, как дела у Вари. Дочь ответила, что девочка у свекрови, после чего неловко замолчала. Нина смотрела на мужа и не понимала, каким образом он сумел так быстро вернуться к обычной семейной манере, будто вчера они просто поссорились из-за ремонта или неудачной покупки.

— Я не собираюсь отпираться, — начал Сергей, заметив, что никто не торопится продолжать разговор. Он положил ладони на стол и посмотрел сначала на дочь, затем на сына. — Да, у меня появилась другая женщина, и я понимаю, что для Нины это тяжело. Наверное, мне следовало раньше поговорить с ней, но я всё откладывал, потому что не хотел причинять лишнюю боль. Вчера разговор получился ужасный, мы оба наговорили много лишнего. Только я не считаю, что теперь нужно уничтожать всё, что мы с вами создавали столько лет.

Нина коротко выдохнула, потому что не смогла удержать возмущение. Сергей говорил о своём годовом обмане как о неприятности, возникшей из чрезмерной осторожности, и даже сейчас старался представить обоих супругов одинаково виноватыми в произошедшем. Она посмотрела на Юлию, ожидая, что дочь хотя бы спросит, почему отец не ушёл из дома сам, но та сидела неподвижно и слушала. Артём скрестил руки на груди, а Сергей, заметив отсутствие возражений, продолжил уже увереннее.

— Я предложил Нине остаться в доме, сколько потребуется, — сказал он, обращаясь преимущественно к детям. — Там достаточно места, никто её не выгонял и не собирался выгонять. Я прекрасно понимаю, что в нашем возрасте сложно всё менять, поэтому и хотел решить вопрос постепенно. Но Нина вчера сразу заговорила о разводе, о продаже дома, о том, что

никому ничего не оставит. Я не спорю, она обижена, только ведь решения принимаются не на один день.

— Ты мне предложил жить рядом с твоей любовницей, — перебила его Нина. Она повернулась к Юлии, потому что Сергей уже смотрел на неё с усталым неодобрением. — Доченька, ты слышишь, как он это рассказывает? Он мои вещи из спальни вынес, а теперь говорит, будто мне предоставил удобное жильё. Я не просила другую комнату. Я вообще не знала, что он собирается что-нибудь менять.

— Нин, я же не отрицаю, что всё получилось неприятно, — ответил Сергей, слегка разведя руками. Он произнёс её имя почти ласково, но глаза оставались холодными. — Только ты сейчас опять возвращаешься к подробностям, которые ничего не изменят. Я хотел, чтобы ты не оказалась на улице и имела время подумать. Ты предпочла уехать к Любе, хотя никто тебя не заставлял. Разве не так?

— А ты бы на моём месте остался? — спросила Нина, подавшись вперёд. Она смотрела на мужа, пытаясь добиться хотя бы одного прямого ответа. — Представь, что ты возвращаешься из поездки, а я твою одежду собрала и поселила в спальне другого мужчину. Потом спокойно говорю, что ты можешь пожить в гостевой. Ты бы тоже поблагодарил меня за заботу и остался?

Сергей поморщился и сказал, что подобные сравнения ни к чему не приведут. Он напомнил, что их отношения давно перестали быть прежними, а Нина всё чаще жаловалась на усталость и отсутствие свободного времени. Юлия опустила глаза, и мать сразу поняла, что дочь снова вспомнила разговоры о помощи с Варей. Сергей заметил это и начал рассуждать о том, что жена давно мечтала пожить для себя, поэтому её стремление уйти не стало для него полной неожиданностью. Нина слушала, чувствуя, как слова, однажды сказанные от усталости, превращаются в объяснение чужого предательства.

— Ты хоть раз спросил, почему я устаю? — произнесла она, уже не заботясь о том, насколько ровно звучит голос. — Ты приезжал домой, ужинал, садился перед телевизором и считал, что всё само собой делается. Я к твоей матери ездила, детям помогала, в доме всё на мне было. Да, я жаловалась, потому что иногда с ног валилась. Но я не говорила, что хочу от тебя уйти. Не надо теперь делать вид, будто я сама тебя к Оксане отправила.

Сергей вздохнул и посмотрел на Артёма, словно искал у сына подтверждения своих слов. Тот неловко пошевелился на стуле и сказал, что никто мать ни в чём таком не обвиняет. Однако сразу добавил, что она действительно часто раздражалась в последние месяцы, а отец, возможно, тоже чувствовал себя одиноким. Нина резко повернулась к сыну. Ей стало страшно оттого, как легко Артём нашёл объяснение поступку Сергея, хотя сам ещё несколько минут назад соглашался, что измена недопустима. Получалось, что за её усталость теперь отвечать придётся ей самой, а мужнину неверность можно понять через то, как редко она улыбалась после тяжёлого дня.

— Артём, ты сейчас серьёзно? — спросила Нина, не скрывая потрясения. Сын отвёл взгляд, и она продолжила уже громче: — Я должна была ещё веселее его встречать? Ужин накрывать, улыбаться, благодарить, что домой пришёл? Он год с другой женщиной встречался, а ты мне говоришь, что ему, наверное, одиноко было. Мне-то каково было, ты хоть раз спросил?

— Мам, не надо на меня кричать, — ответил Артём, тоже повысив голос. Он выпрямился, отодвинул от себя чашку и посмотрел на сестру, которая сразу сделала предупреждающий жест. — Я не говорил, что папа правильно поступил. Я пытаюсь объяснить, почему всё могло так получиться. Ты же сама знаешь, что у вас давно отношения были не очень. Мы с Юлей не слепые, всё видели.

— Что вы видели? — Нина смотрела на сына и не узнавала его привычной сдержанности. Она вспомнила прошлое воскресенье, когда по телефону спрашивала, ел ли он нормально, и услышала весёлый рассказ о новой работе в мастерской. — Вы видели, что я иногда сержусь, потому что за всеми убирать устала. А когда папа уходил по вечерам, вы где были? Когда я

волновалась, почему он трубку не берёт, вы разве мне хоть слово сказали? Теперь выходит, что всем было понятно, кроме меня одной.

Артём резко замолчал, опустил взгляд и принялся теребить край салфетки. Нина решила, что сыну стало стыдно за последние слова, и уже хотела смягчить тон, но Сергей вмешался раньше. Он попросил её не припоминать детям каждую семейную неприятность и снова заговорил о доме. По его мнению, сейчас разумнее всего было сохранить прежний уклад, дать Нине время успокоиться и не втягивать детей в имущественные споры. Он подчеркнул, что Артём работает в мастерской, живёт рядом с родителями и рассчитывает со временем продолжить семейное дело, а продажа дома ударит прежде всего по нему.

— Я готов помогать Нине с жильём, — добавил Сергей, обращаясь к дочери. Он говорил уверенно, словно предлагал щедрый подарок, от которого трудно отказаться. — Никто её без средств не оставит. Можно всё обсудить, найти квартиру, определить, сколько ей нужно на первое время. Но она требует свою половину и не хочет слышать, что от этого пострадают другие. Я не понимаю, зачем обязательно доводить до крайности.

Нина посмотрела на него с таким изумлением, что на несколько секунд забыла о злости. Сергей обещал помогать ей с жильём, которое она должна была искать после его решения поселить в общем доме другую женщину. Её половину он собирался сохранить за собой, а собственную готовность выделять ей деньги представлял проявлением заботы. Нина посмотрела на Юлию, ожидая, что дочь наконец услышит нелепость происходящего, но та лишь устало провела рукой по лицу. Артём молчал, не возражая отцу, и Нина почувствовала, насколько неравным оказался этот разговор.

— Серёжа, ты мне предлагаешь отказаться от половины нашего дома, — сказала она, стараясь произносить каждое слово отчётливо. У неё дрожали пальцы, поэтому она сцепила руки и положила их на стол. — А потом ты будешь решать, сколько мне дать на квартиру и когда перестать помогать. И при этом ты называешь меня жестокой, потому что я не хочу соглашаться. Юля, Артём, вы правда считаете, что это нормально? Вы бы сами подписали всё на другого человека и стали ждать его милости?

Юлия тяжело вздохнула и попросила мать не ставить вопрос так резко. Она сказала, что отец, конечно, должен поступить справедливо, но, возможно, стороны смогут договориться без продажи дома. Артём тут же поддержал сестру, предложив подождать несколько месяцев, пока все успокоятся. Нина смотрела на них и постепенно понимала, что они вовсе не считают Сергеево предложение справедливым. Просто его условия не требуют от детей ничего менять, а её отказ заставляет задуматься о собственном будущем. От этого понимания становилось больнее, чем от любого открытого обвинения.

— А если мы не договоримся? — спросила Нина, переводя взгляд с дочери на сына. Она уже знала, что услышит, но всё равно хотела дать им возможность ответить иначе. — Если папа скажет, что никуда не уйдёт и ничего мне не отдаст, тогда что? Мне у Любы жить, пока вы все решаете, как сохранить себе удобство? Сколько времени мне полагается подождать?

— Мам, ну зачем сразу так? — Юлия поднялась со стула и подошла к матери, но Нина отстранилась раньше, чем дочь успела её обнять. Юлия остановилась, растерянно посмотрела на свои руки и продолжила уже тише: — Я просто хочу, чтобы мы не перестали быть семьёй. У нас и так всё сложно, Варя в школу пошла, муж постоянно на сменах, я на работе не успеваю. Если вы ещё и дом продадите, я даже не представляю, как всё будет. Подумай хоть немножко о нас, пожалуйста.

Нина почувствовала, что больше не может сдерживаться. Она вскочила так резко, что стул ударился о стену, и Юлия отступила на шаг. Всё сказанное за последние два часа смешалось у неё в голове: гостевая комната, чужая одежда, сыновья тревоги о мастерской, дочерины страхи за привычные выходные. Ни один из них не сказал, что Нина должна согласиться жить рядом с Оксаной, но каждый следующий довод приближал её именно к этому решению. Ей

стало страшно от собственной беспомощности, и вместе со страхом вырвалась злость, которую уже не удалось удержать.

— А обо мне кто-нибудь подумает? — крикнула она, обводя взглядом сидевших за столом. Сергей медленно откинулся на спинку стула, а Артём нахмурился, но Нина уже не могла остановиться. — Я всю жизнь о вас думаю! Юле помочь, Артёму приготовить, папе ужин, бабушке продукты. Я даже сейчас приехала и первым делом спросила, как Варя в школе, хотя у меня самой вчера жизнь развалилась. Сколько ещё я должна о вас думать, чтобы вы хоть раз подумали обо мне?

Юлия побледнела и попросила мать говорить тише. Артём поднялся, словно собирался вмешаться, но остановился возле стола. Нина смотрела на него сквозь слёзы и вдруг почувствовала такую обиду, что слова вырвались раньше, чем она успела их обдумать. Она сказала сыну, что он трус, если готов поддерживать отца только потому, что боится потерять работу и удобное жильё. Артём резко дёрнулся, отступил и сжал челюсти. Нина увидела, что попала в больное место, и на мгновение пожалела о сказанном, однако тут же вспомнила, как он первым делом спросил про дом, и сожаление сменилось новой волной раздражения.

— Ты можешь на меня обижаться, — продолжила она, обращаясь к сыну. Её голос уже срывался, но Нина не пыталась снова сесть. — Только я вчера одна стояла в нашей спальне и смотрела на чужие вещи. Ты даже не спросил, что со мной было. Ты приехал и сразу начал считать, что потеряешь, если я не соглашусь. Мне страшно, Артём, я не знаю, где буду жить через месяц, а ты просишь меня потерпеть ради твоего удобства.

— Да никто тебя не просит терпеть измену! — Артём тоже повысил голос и сделал шаг к матери. Он остановился, увидев её слёзы, и сердито провёл ладонью по волосам. — Я прошу не принимать решений, от которых всем будет хуже. Ты сейчас не слышишь ничего, только кричишь. Мы пытаемся с тобой разговаривать, а ты сразу обвиняешь нас во всём.

Нина повернулась к Юлии, которая стояла возле кухонного шкафа и растерянно смотрела на неё. Дочь тоже плакала, хотя старалась скрыть это, отвернув лицо. Нина увидела её слёзы и ощутила привычное желание подойти, обнять, попросить прощения за резкость. Но одновременно вспомнила, что именно Юлия несколько минут назад просила подумать о них, словно мать ещё не сделала для семьи достаточно. Нина закрыла лицо ладонями, попыталась успокоиться и не смогла.

— Юля, а тебе сколько ещё нужно, чтобы я потерпела? — спросила она, опустив руки. Дочь открыла рот, но Нина продолжила, потому что теперь ей хотелось хотя бы один раз услышать прямой ответ. — Пока Варя школу не закончит? Пока Артём на ноги не встанет? Пока папа с новой женой устроится? Я ведь тоже человек, доченька. Я тоже хочу домой приходить и знать, что меня там никто не собирается заменить.

— Мам, я не говорила, что ты должна терпеть, — ответила Юлия сквозь слёзы. Она сжала край футболки и посмотрела на отца, который до этого молчал. — Я просто хочу, чтобы мы не разругались окончательно. Мне страшно, что вы сейчас всё поделите, перестанете разговаривать, а потом нам придётся между вами выбирать. Я не хочу выбирать, понимаешь? Я люблю вас обоих.

Сергей медленно покачал головой и заговорил прежде, чем Нина успела ответить. Он сказал, что именно этого и опасался: жена находится в таком состоянии, что любой разговор превращает в обвинения против детей. Потом обратился к Артёму, попросив его не принимать близко к сердцу сказанное матерью, и предложил закончить встречу до того, как все окончательно поссорятся. Нина услышала его спокойный голос и поняла, что он почти не участвовал в последней ссоре, но теперь может представить себя единственным человеком, который заботится о сохранении отношений.

— Вы же сами видите, — произнёс Сергей, посмотрев на дочь и сына. Он вздохнул и развёл руками, словно объяснял очевидную вещь. — Я потому и просил вчера Нину не торо-

питься. Она сейчас готова обвинить каждого, кто не согласен с её решением. Я ей предложил спокойно пожить отдельно, прийти в себя, всё обсудить. Но она сразу начала говорить, что мы все против неё. Разве можно в таком состоянии решать судьбу дома и семьи?

Нина повернулась к нему, чувствуя, как злость сменяется отчаянием. Он говорил о ней так, будто она уже отсутствовала за столом, хотя стояла всего в нескольких шагах. Юлия опустила глаза, Артём сел и отвернулся к окну, а Сергей продолжал уверять их в собственной готовности всё уладить. Нине захотелось снова рассказать про вчерашний день с самого начала, показать фотографии чужой одежды, которую она в растерянности даже не подумала снять на телефон, повторить каждое слово мужа. Но она уже понимала, что любое новое объяснение сейчас только продлит разговор, в котором её слёзы становятся удобным доказательством чужой правоты.

— Я не буду больше здесь сидеть, — сказала Нина, взяв со стула свою сумку. Юлия подняла голову, а Сергей замолчал и внимательно посмотрел на неё. — Я приехала к детям, потому что мне было страшно и больно. Я думала, вы хотя бы выслушаете. А получилось, что мне пришлось объяснять, почему я не хочу жить возле его любовницы. И теперь ещё выходит, что я виновата, потому что плачу и кричу.

Юлия шагнула к ней и попросила не уходить в таком состоянии. Нина ответила, что ей нужно побыть одной, хотя сама мысль о возвращении в тихую Любиину квартиру пугала не меньше, чем этот разговор. Артём молчал, глядя в телефон, и это молчание больно ранило мать. Сергей не пытался остановить жену, только сказал, что завтра она наверняка пожалеет о сегодняшних словах. Нина хотела ответить, но вместо этого направилась в прихожую, потому что боялась снова сорваться и сказать детям что-нибудь непоправимое.

Пока она надевала плащ, Юлия всё-таки подошла и осторожно взяла её за руку. Нина посмотрела на дочь и увидела, что та действительно переживает, просто не знает, как совместить свою обиду, страх перед переменами и жалость к матери. От этого стало немного легче, однако Нина уже не могла снова обнять её с прежней безоговорочной нежностью. Она спросила, когда сможет увидеть Варю, и Юлия ответила, что надо будет договориться, когда всё немного успокоится. Нина кивнула, хотя слова о необходимости ждать неприятно отозвались в груди.

— Я завтра позвоню тебе, мам, — сказала Юлия, помогая застегнуть плащ. Она хотела добавить что-то ещё, но только вздохнула и убрала руки. — Ты сейчас, пожалуйста, не оставайся одна, побудь у тёти Любы. Я понимаю, что тебе тяжело. Просто дай нам всем немного времени, хорошо?

Нина согласилась, потому что сил спорить уже не осталось. Она вышла из квартиры и стала спускаться по лестнице, держась за перила. Лифт был свободен, но ей не хотелось стоять в тесной кабине и смотреть на собственное отражение в зеркале. На улице оказалось прохладнее, чем днём, а ветер трепал распущенные волосы. Нина прошла несколько домов, прежде чем остановилась возле скамейки и достала телефон. Артём ничего не написал, Юлия тоже молчала, а от Сергея пришло короткое сообщение с просьбой не усугублять ситуацию и подумать о том, как её поведение отражается на детях.

Она прочитала сообщение и не стала отвечать. Вместо этого позвонила Любе, сказала, что возвращается, и попросила не готовить ничего особенного. Подруга сразу поняла, что встреча прошла плохо, но не стала расспрашивать по телефону. Нина убрала телефон и медленно пошла к остановке. По дороге ей несколько раз хотелось вернуться к Юлии, обнять дочь, объяснить сыну, что никогда не собиралась лишать его дома, и попросить обоих не слушать отца. Она даже остановилась, развернулась в сторону знакомой улицы, но после нескольких секунд нерешительности снова пошла к автобусу. У неё больше не было сил продолжать разговор, в котором каждое сказанное слово приходилось защищать от нового толкования.

Люба встретила её без вопросов, помогла снять плащ и поставила на стол тарелку с тёплым ужином. Нина попыталась рассказать всё по порядку, однако уже на словах об Артёме у неё задрожали губы. Она пересказала его просьбы не продавать дом, Юлины опасения за Варю и неожиданное появление Сергея. Люба слушала, постепенно мрачнея, и несколько раз начинала что-то говорить, но Нина останавливала её, потому что хотела сначала закончить. Когда она дошла до собственного крика и обвинения сына в трусости, подруга тяжело вздохнула и попросила её поесть хотя бы несколько ложек.

— Я ведь не хотела на них срываться, — сказала Нина, отодвигая тарелку. Она смотрела на Любу с таким отчаянием, словно подруга могла объяснить, как теперь исправить произошедшее. — Артём сидел, молчал, а я его трусом назвала. Юля плакала, и я даже не обняла её нормально. Они теперь будут думать, что папа прав, что со мной действительно невозможно разговаривать. Я же сама ему сегодня всё облегчила.

— Ты приехала к ним после того, как муж выставил тебя из собственной спальни, — ответила Люба, сдерживая раздражение. Она придвинула тарелку обратно и подала Нине чистую салфетку. — Да, ты накричала, и детям наверняка было неприятно. Но они тоже взрослые люди, Нина, они должны понимать, что с тобой происходит. Не надо сейчас брать на себя ещё и ответственность за то, как Сергей сумел выставить себя порядочным человеком.

Нина покачала головой и всё-таки взяла вилку. Она понимала слова подруги, но мысли снова возвращались к Юлиной кухне, где дочь стояла возле шкафа и плакала. Нина не хотела причинять ей боль, однако не знала, как объяснить собственную, если любое упоминание о доме превращалось в обвинение против детей. Она съела несколько ложек, потом отложила вилку и попросила чаю. Люба занялась чайником, а Нина достала телефон, потому что экран коротко загорелся новым уведомлением.

Сообщение пришло в общий семейный чат, где находились Сергей, дети, Тамара Ивановна и несколько близких родственников. Нина открыла переписку и увидела, что муж написал длинный текст. Он сообщал, что они с Ниной переживают тяжёлый период, но просил всех не вмешиваться и не осуждать никого поспешно. По его словам, жена решила пожить отдельно, чтобы разобраться в себе, а он уважает её выбор и надеется, что со временем они сумеют договориться. Отдельно Сергей упомянул, что Нина собирается делить дом, хотя это решение болезненно отразится на детях, и попросил родственников поддержать семью в непростое время.

Нина перечитала сообщение, чувствуя, как начинает дрожать рука. Всё было написано спокойными, вежливыми словами, которые на первый взгляд не содержали ни грубости, ни прямого обвинения. Сергей не отрицал, что они расстаются, не требовал осудить жену и даже обещал уважать её решение. Но Оксана исчезла из рассказа совершенно, как и чужие вещи в спальне, собранные сумки и вчерашняя угроза. Нина оставалась единственным человеком, совершившим конкретные действия: ушла из дома, захотела жить отдельно и потребовала раздела. Муж же представлялся человеком, который старается сохранить отношения и беспокоится о будущем детей.

— Люба, посмотри, что он написал, — сказала Нина, протягивая телефон подруге. Та прочитала сообщение, нахмурилась и вернула аппарат. — Я ведь его предупреждала, что сама детям всё расскажу. Он сегодня при них сидел, прекрасно слышал, что я говорила. И всё равно пишет так, будто я одна решила уйти. Он же специально это делает, понимаешь? Чтобы потом все говорили, что я бросила семью.

Люба предложила немедленно ответить правду и не позволять мужу закреплять собственную версию событий. Нина открыла поле сообщения, но пальцы так дрожали, что она несколько раз нажала не на те буквы. Сначала захотелось написать обо всём подробно: как Сергей признался в годовой связи, как Оксана уже заняла её спальню, как Тамара Ивановна предлагала расстаться достойно. Потом Нина представила, что всё это прочитают родствен-

ники, среди которых были люди, видевшие её с Сергеем счастливыми ещё прошлым летом. Ей стало мучительно стыдно рассказывать чужим людям о собственном унижении, но оставить его слова без ответа означало согласиться с тем, что она сама разрушила семью.

Нина набрала сообщение, несколько раз перечитала его и нажала отправку, прежде чем успела испугаться собственного решения. Она написала, что ушла из дома после того, как Сергей признался в длительных отношениях с другой женщиной и сообщил о намерении жить с ней в их общем доме. Добавила, что обнаружила чужие вещи в своей спальне, а собственную одежду нашла перенесённой в гостевую комнату. Нина отдельно подчеркнула, что не отказывалась от детей и внучки, любит их и собирается продолжать с ними общаться. Раздел дома она намерена обсуждать потому, что ей необходимо собственное жильё после окончания брака, а не ради наказания семьи.

Люба прочитала отправленный текст и одобрительно кивнула, но Нина уже почти не слышала её. Она смотрела на экран, где появились отметки о прочтении, и ждала, что Юлия или Артём сейчас напишут хотя бы несколько слов. Не обязательно длинное объяснение, не обязательно осуждение отца — достаточно было подтвердить, что мать действительно не отказывалась от них и что они знают о произошедшем. Но сообщения не появлялись. Через несколько минут одна из родственниц написала, что всем следует успокоиться и не выяснять семейные отношения при посторонних, а Тамара Ивановна поддержала её просьбу, добавив, что детям и так сейчас тяжело.

Нина почувствовала, как к горлу снова подступает обида. Сергей первым вынес разговор в общий чат, но неприятным выяснением отношений вдруг оказался её ответ. Она перечитала сообщение свекрови, задержала палец над экраном и едва удержалась от желания спросить, почему вчера Тамара Ивановна не беспокоилась о том, как тяжело будет детям. Люба заметила её выражение лица и осторожно забрала телефон, предложив хотя бы допить чай. Нина не сопротивлялась, но через несколько минут попросила вернуть аппарат, потому что боялась пропустить сообщение от дочери.

Юлия прочитала переписку, это было видно, однако ничего не написала. Артём тоже появился среди просмотревших сообщение, после чего вышел из чата, не оставив ответа. Нина сидела за Любиным кухонным столом, обхватив обеими руками остывшую чашку, и всё ещё надеялась, что дети хотя бы лично позвонят ей после такого разговора. Она вспоминала, как утром выбирала одежду, репетировала объяснения и убеждала себя, что при личной встрече они обязательно поймут. Теперь прошло всего несколько часов, а ей уже было страшно набрать Юлин номер: Нина боялась снова услышать просьбу не торопиться, подумать о Варе и не разрушать то, что Сергей собирался сохранить исключительно на своих условиях.

Люба включила на кухне небольшой светильник, убрала посуду и предложила подруге лечь пораньше. Нина согласилась, хотя понимала, что сон едва ли придёт быстро. Перед уходом в комнату она ещё раз проверила телефон и увидела последнее сообщение Сергея: он просил родственников не осуждать Нину, потому что она сейчас очень тяжело переживает происходящее. Нина долго смотрела на эти слова, затем выключила экран и положила аппарат в карман. Ей хотелось немедленно написать детям, спросить, почему они молчат, но она заставила себя сначала умыться и хотя бы немного успокоиться. В комнате Люба уже приготовила чистое полотенце и поставила возле кровати стакан воды, а Нина села на край матраса, не снимая домашней кофты, и снова заплакала, на этот раз стараясь делать это тихо, чтобы подруга не услышала.

Глава 3. В доме уже другая хозяйка

Нина несколько минут стояла перед открытым шкафом, разглядывая одежду, которую успела п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.